Ал. А. Громыко[1]

БРИКС+ — КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ РАЗВИТИЯ

В третье десятилетие XXI века БРИКС (с 2024 г. — БРИКС+) вошел в качестве важной константы международных отношений и системы глобального управления. Позади 18 лет развития, в результате которого число членов этого престижного «клуба» выросло с четырех до десяти. Среди новых участников и Саудовская Аравия, власти которой, приняв принципиальное решение о вступлении, предпочитают вариант постепенного вовлечения королевства в деятельность различных структур БРИКС+. Еще несколько десятков государств мира стремятся стать либо его полноправными членами (в том числе Алжир, Пакистан, Бангладеш, Венесуэла), либо получить статус наблюдателя.

Для России успехи БРИКС+ особенно важны, так как наша страна стояла у истоков его создания и во многом была его основным творцом. Концептуально корни объединения уходят во вторую половину 1990-х годов, когда Москва продвигала идею стратегического треугольника «Россия–Индия–Китай» (РИК). Ретроспективно можно утверждать, что впоследствии РИК разросся до БРИКС+, как и то, что объединение, созданное в 2006 году, вобрало в себя РИК. Фальстарт при его расширении произошел лишь однажды, когда в декабре 2023 года Х. Милей, новый президент Аргентины, отозвал заявку своей страны на вступление.

БРИКС+ имеет ярко выраженное межцивилизационное измерение, а последнее, в свою очередь, является неотъемлемой характеристикой полицентричного мира. Обращает на себя внимание и географическая пестрота, подчеркивающая, что в современном мире дистанция, которая разделяет партнеров и единомышленников, не имеет такого принципиального значения, как на протяжении почти всей истории человечества. Цивилизационная характеристика тесно связана с категорией суверенитета, которая во многом определяет мировоззрение государств, создавших БРИКС и присоединившихся к нему позже.

В каком-то смысле БРИКС+ — это надынтеграционное объединение, но не внеинтеграционное. Он не является классической межгосударственной или международной организацией, тем более интеграционным союзом. В него входят страны, которые участвуют в различных структурах, не обязательно пересекающихся друг с другом (ЕАЭС, ШОС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Африканский союз, Меркосур и т. д.). В то же время, безусловно, БРИКС+ имеет очевидные интеграционные элементы, проистекающие из самой мотивации участия в нем, — координировать, согласовывать свои действия в двух- и многосторонних форматах. По мере развития объединения его клубный характер начинает сочетаться с созданием структур, которые имеют институциональные черты, как, например, саммиты и различные постоянно действующие форумы, или являются полноценными международными организациями, как Новый банк развития.

Объединение растет не только количественно, но со временем начинает исполнять функции, которые раньше с ним не ассоциировались. Особенно после своего последнего расширения БРИКС+, во-первых, начинает напоминать неформальный рупор Глобального Юга и, во-вторых, играть роль эффективного связующего звена между Россией и незападным миром. Бросается в глаза инклюзивная природа этого международного клуба, что проистекает уже из того, что членами объединения могут быть государства с непростой историей отношений, например Китай и Индия. В представление о данной инклюзивности не вписываются только страны коллективного Запада, но не из-за природы БРИКС+, а из-за своей собственной позиции в отношении него. Несомненно, с геополитической точки зрения Запад относится к БРИКС+ как к конкуренту и ревностно следит за развитием того, кого воспринимает в качестве альтернативной модели международного сотрудничества. В то же время само объединение нельзя назвать антизападным с учетом тесного экономического и политического взаимодействия большинства его участников с западными странами и организациями.

Справедливо говорить о том, что развитие БРИКС+ является отражением перемещения центра тяжести мировой экономики в Евразию. Но представляется, что сводить все к этому фактору было бы неправильно и снижало бы роль объединения в мировой политике. Она шире, чем отражение новых маршрутов экономических и финансовых потоков. Не менее важно значение БРИКС+ в качестве своеобразной исследовательской лаборатории по повышению эффективных механизмов глобального управления и регулирования или даже их перестройки. В этом смысле вполне обоснованно говорить об устремленности объединения в будущее, тогда как многие действия коллективного За-

[1] Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании. 1970–1990-е годы», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко», «О насущном. Европа и современный мир», «Европа в кризисном мире», «Европа в глобальной пересборке» и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», главный редактор журнала «Общественные науки и современность». Президент Ассоциации европейских исследований России. Председатель Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко. Входит в бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (ОГМПО). Заместитель академика-секретаря ОГПМО. Член Научного совета при министре иностранных дел России, Российского совета по международным делам. Заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Почетный доктор Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), Воронежского государственного университета.

пада воспринимаются в мире как желание цепляться за прошлое.

Клубный, неформальный характер свойствен и ряду западных структур, в первую очередь «Большой семерке». Однако она воплощает собой то, что так резко отличает ее от БРИКС+, — противопоставление себя другим, консолидацию на основе эксклюзивности и англосаксонского ядра, готовность вводить или координировать санкционные режимы против тех, кого Запад идентифицирует как противников и конкурентов, неприятие представления о мире как о многообразии культур и цивилизаций в пользу примитивного подхода «свой–чужой» и «демократии против автократий». Конечно, и у «Большой семерки» существует свой формат «аутрич» — приглашения на заседания представителей незападных государств. Но, по сути, это происходит в качестве функции все тех же базовых установок коллективного Запада по защите удобного прежде всего для него «мира, основанного на правилах» и напоминает перетягивание каната с целью снижения количества тех, кто дружит с «неправильными» государствами.

Представление о гуманистических ценностях, включая определенные морально-нравственные принципы, берущие начало в христианстве, было порождением европейской цивилизации. Однако так распорядилась история, что многие из тех ценностей и мировоззренческих подходов стали восприниматься на европейском Западе в качестве ценностей традиционных с коннотацией — ретроградских, не современных, не прогрессивных. В современном мире во многом складывается ситуация, когда в большей степени уже БРИКС+ и другие наиболее преуспевающие страны Глобального Юга берут на себя защиту гуманистических ценностей, тогда как коллективный Запад продвигает радикальные и псевдолиберальные установки, причем уже не только социальные, но и социально-экономические.

Последнее проистекает из переросшей в наваждение увлеченности европейского Запада «зелеными технологиями» и безапелляционной веры в непогрешимость антропогенной версии изменения климата. Казалось бы, энергопереход и «зеленый курс» — прогрессивные вещи. Но изнанка этого наваждения — одержимость технологиями. Только если раньше улучшение жизни подразумевало использование технологий ради создания общества потребления и изобилия, то теперь другие, еще более изощренные и дорогие технологии направлены на то, чтобы фактически лишить людей их прежнего достатка и комфорта, причем и в индустриальном, и в постиндустриальном понимании.

Что касается внешнеполитических подходов, то при сравнении коллективного Запада и БРИКС+ они словно меняются местами, если рассуждать с точки зрения традиций и новаций. Очевидно, что ретроградной, конформистской является внешняя политика именно коллективного Запада, когда ставка делается на принуждение и силовое воздействие (будь то с помощью «мягкой силы» или жесткой), санкционные режимы, мегафонную дипломатию, информационное противостояние, сохранение статус-кво. Контрастирует с этим то, что пропагандируют БРИКС+ и многие другие государства Глобального Юга: реальная многосторонность, суверенное равенство, учет интересов друг друга, уход от блокового мышления, отказ от философии вестернизации, притворяющейся востребованной всеми модернизацией, и т. д.

Преимущества и недостатки свойственны и классическим международным организациям с международной правосубъектностью, таким как ООН, Африканский союз, Организация исламского сотрудничества и другие, и клубным форматам (БРИКС+, «Группа семи», «Группа двадцати» и др.). У первых есть свои уставы, разветвленные органы управления, юридически прописанные права и обязанности, и фактически это пирамидально выстроенные структуры. У вторых — большая гибкость, возможность ситуативного сочетания двусторонних и многосторонних треков, консенсусный характер решений, примат добровольности и доверительности. Существует и немало организаций промежуточного характера, как, например, ОБСЕ, которая так и не обзавелась своим собственным уставом.

Особняком стоят, во-первых, региональные интеграционные объединения, которые формируются вокруг общих зон свободной торговли, таможенных союзов и общих рынков. Среди них наиболее четко отстроенный — Европейский союз, у которого до вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 году не было даже процедуры выхода страны-члена из его рядов. Во-вторых, военно-политические блоки с естественными для них формализованными структурами управления, дисциплиной и юридически закрепленными правами и обязательствами.

Уникальными чертами и свойствами обладает Организация Объединенных Наций как единственная в своем роде универсальная и общепризнанная межгосударственная (межправительственная) международная организация. Есть образования континентального масштаба, как, например, Африканский союз, Сообщество американских государств, Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна и др. Большинство межгосударственных объединений и интеграционных проектов носят региональный характер. БРИКС+, безусловно, выделяется на этом фоне, так как включает представителей сразу нескольких континентов в Восточном и Западном полушариях Земли.

Центробежные и центростремительные процессы есть в организациях всех перечисленных категорий, и проблема целостности и консолидированности той или иной структуры решается в каждой из них поразному. Для Евросоюза Брекзит — выход Британии из рядов регионального интеграционного объединения — был крайне болезненным процессом. Для БРИКС+ отзыв Аргентиной заявки на вступление в него не стал заметной проблемой. Конечно, и для клубных форматов важно наличие внутренней структуризации. Сколько бы в будущем государств ни вступили в БРИКС+, помимо участвующей в нем «десятки», системообра-

зующим для него всегда будет участие России, Индии и Китая. Выход любой из них из объединения стал бы его версией брекзита. В БРИКС+ отсутствуют страны или их внутренние группировки, которые рассматривают другую часть участников как системных противников и объектов для наложения рестрикций и против которых в региональных вооруженных конфликтах они готовы вести прокси-войны. В другом клубном формате — «Группе двадцати» — ситуация иная, так как входящие в него страны «Группы семи» придерживаются блоковой дисциплины и занимаются открытым саботажем в отношении деятельности некоторых стран-участниц.

БРИКС+ не является гармоничной целостностью и имеет свои внутренние линии напряжения, но предлагает настолько внушительные консолидирующие стимулы, что противоречия отходят на второй план. В то же время перед объединением стоят значительные вызовы, особенно в первые годы после произошедшего масштабного расширения. С учетом того, что в «двери» БРИКС+ стучатся государства, количество которых намного больше, чем в него входит уже сейчас, встает вопрос о важности сохранить устойчивость «клуба», его способность к эффективным действиям в рамках принимаемых решений. Одновременно важно найти устраивающие всех форматы привлечения к деятельности БРИКС+ широкого круга субъектов международных отношений. В свете этого высоко востребованным будет оставаться статус государства-наблюдателя, как, возможно, и статус ассоциированного членства.

Для объединения наверняка будут характерны методы «разноскоростного движения» и «изменяемой геометрии», с помощью которых заинтересованные государства могут быстрее реализовывать те или иные проекты без необходимости заручаться их поддержкой со стороны всех участников «клуба». Эти методы достаточно опробованы, в том числе в истории ЕС, чтобы применять их в БРИКС+ выверенно и с учетом уроков других структур. Когда международная организация живет в условиях добровольной смирительной рубашки в виде жестких требований к членству и развитых наднациональных органов, как в ЕС, то «разноскоростное движение» чревато внутренним расслоением, созданием конкурирующих группировок, появлением центра и периферии, государств первого и второго сорта. В БРИКС+ такие риски на данном этапе развития не просматриваются.

Конечно, увеличение численности любого межгосударственного объединения не может не привносить определенные сложности и процедурного, и содержательного характера. Но представляется, что в случае БРИКС+ процесс расширения влечет намного больше положительных моментов, включая более устойчивые внутренние балансы, компенсирующие асимметричный вес в объединении России, Индии и Китая. За количественным расширением БРИКС+ со всей очевидностью стоят качественные параметры. Каждая из стран-участниц вносит в копилку «клуба» свою добавочную стоимость. Например, Пекин предлагает стратегию «Пояса и пути»; Нью-Дели — коридоры «Индия–Ближний Восток–Европа» и «Север–Юг»; Москва — сырьевые ресурсы, сотрудничество с Евразийским экономическим союзом, континентальные транспортные коридоры, свои компетенции в сфере мирного атома и энергетики, в перспективе — транспортную артерию Северный морской путь; Бразилия — свои лидерские позиции в Латинской Америке; Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия — передовые позиции на мировых рынках углеводородов, а последние два государства — также свои масштабные инвестиционные возможности.

Для БРИКС+ будет важно продолжать позиционировать себя в качестве объединения, которое не стремится к конфронтации с другими и не рассматривает себя как альтернативный механизм глобального управления и регулирования. В БРИКС+ уже немало стран и Евразии, и других континентов, которые не стремятся противопоставлять себя коллективному Западу и рвать с ним отношения. Они по-прежнему не расценивают экономическое и финансовое взаимодействие с ним как зависимость. Многие действительно заинтересованы, например, в диверсификации валютных резервов, но не ставят перед собой цель по дедолларизации мировой торговли. Напротив, базирование БРИКС+ не на философии «игры с нулевой суммой», а на предоставлении государствам-участникам и потенциальным членам «клуба» дополнительных конкурентных преимуществ в торговле и сотрудничестве с любыми внешними игроками по их выбору — важный козырь в сохранении привлекательности объединения на много лет вперед.